

С каждым его словом глаза укротителей духов расширились всё сильнее — они смертельно боялись, что он снова вплетет в свою речь какое-нибудь заклинание. Ну просто душа в пятки уходила!

Цзян Чжо произнес:

— Вам незачем бояться. Я знаю очень мало: что до Разрыва Шума, что до Исполнения Приказа — на самом деле я владею лишь самыми азами.

Его тон был самым обыденным, он даже пальцы не складывал для заклинаний, словно вел праздную беседу. Укротители духов же стояли как перед лицом смертельной опасности, страшась услышать раскаты небесного грома. К счастью, сегодня выдался прекрасный вечер, и на небе было тихо. Едва они успели перевести дух, как заметили, что Цзян Чжо уже не на прежнем месте.

Один из них в ужасе закричал:

— И-Исполнение Приказа настоящее!

Взглянув же на маленького господина Тао, они увидели, что Цзян Чжо уже подхватил его за шиворот. Эти несколько укротителей духов позволили себя так одурачить, что их едва не стошнило кровью от досады. Они-то гордились собственной коварностью и злодейством, а теперь вот сели в лужу — этот человек был настоящим демоном хаоса, который забавы ради играл с человеческими сердцами, стирая грань между правдой и выживанием!

Один из укротителей духов вырвался из-под действия заклинания Встреча и громко крикнул:

— Не смейте трогать маленького господина Тао!

Цзян Чжо наступил на паланкин маленького господина Тао и раскачивал его в воздухе за шкирку. Воротник намертво впился в шею мальчишки, его ноги подогнулись, и сам он походил на только что выдернутую редиску, которая только и знала, что браниться:

— Шайка дармоедов и ничтожеств! Подумать только, этот бродячий псевдозаклинатель из глуши бил вас уже дважды. Да содержать вас — всё равно что кормить паршивую собаку! Вернемся вечером домой, я велю батюшке перерезать вас всех до единого!

Его слишком избаловали, в нем не было ни капли раскаяния. То он грозился убить Цзян Чжо, то требовал схватить ту слепую девушку, что играла на пипе. Его рот изрыгал сплошную грязь и скверну, и это невероятно раздражало.

Выслушав половину, Цзян Чжо потерял терпение. Он как раз собрался скинуть маленького господина Тао вниз, как вдруг прямо из воздуха со свистом прилетела ледяная стрела.

Стрела вонзилась в бок маленького господина Тао, и всего за пару мгновений от ее

наконечника быстро пополз тонкий слой наледи. Этот лед казался безобидным, но от него исходил невероятный, жуткий холод. Секта Пошо черпала силы в Кармическом Огне, а поскольку ее последователи были потомками солнечного божества Хаоса, они хуже всего переносили холод!

Огненные рыбы на теле Цзян Чжо потускнели. Он отбросил маленького господина Тао и попятился к самому чайному развалу. В этот момент откуда-то сбоку протянулась рука. Обернувшись, он увидел Ло Сюя.

Опираясь на деревянный ящик, Ло Сюй спокойно попивал чай. Увидев возвратившегося Цзян Чжо, он протянул ему недопитую чашу:

— Сделай пару глотков, согрейся.

Цзян Чжо перевел взгляд с чаши на него:

— Почему ты только что не убежал?

Ло Сюй не менялся в лице:

— Я испугался, да и ноги несли плохо.

Пока они беседовали, сверху плавно опустился человек в белых одеждах — тот самый чиновник Цзи, что ранее сидел в таверне. Завидев Цзян Чжо, этот человек приветливо улыбнулся и, сложив руки в почтительном жесте, произнес:

— Друг мой, мы снова встретились!

Ло Сюй холодно обронил:

— О, это тоже твой знакомый?

Не допив чай, Цзян Чжо отмахнулся:

— Знать его не знаю.

Тот вовсе не смутился. Его манера речи была мягкой и изысканной, а обходительность — безупречной:

— Как говорится, не пообеешь — не подружишься. Пусть ты меня не знаешь, я же давно хотел с тобой сблизиться. Раз уж ты принципиально не пьешь с людьми из Управления Тяньмин, тогда этот чай...

Деревянный ящик Ло Сюя качнулся и рухнул на чайный прилавок. Разве мог выдержать хрупкий развал? С громким треском всё разлетелось вдребне. Да и чаю на дне оставалось кот наплакал, а теперь не осталось ни капли.

Сколь бы ни был этот человек простодушен, он все же уловил подвох. Переведя взгляд на Ло Сюя, он слегка растерял улыбку:

— Как именовать этого господина?

Ло Сюй даже глазом не повел в его сторону, не сводя глаз с Цзян Чжо:

— Он ранил тебя ледяной стрелой. Тебе страшно?

Цзян Чжо держал чашку, расслабленно и хмельно улыбаясь:

— Если сказать, что не страшно, то самую малость всё же жутковато. Похоже, он мой природный недруг.

Уголки губ Ло Сюя приподнялись:

— Пока я рядом, никто не сможет причинить тебе вреда.

Цзян Чжо усмехнулся:

— Ну ты и храбрец, братец, больно заносчив. И что же ты намерен делать?

Ло Сюй произнес:

— Дай мне руку.

Цзян Чжо в недоумении приподнял руку и протянул ту самую, на которой завязана Красная Нитка. Ло Сюй перехватил ее, сначала обмакнул палец в остатки чая на дне чашки Цзян Чжо, а затем вывел на его ладони несколько черт.

Чайные разводы растеклись по коже, и Цзян Чжо в первое мгновение не мог понять, исходит ли это тепло от остатков чая или от кончиков пальцев Ло Сюя. Так или иначе, круги за кругами разливалось приятное, щекотное тепло.

Закончив, Ло Сюй словно опасался чужих глаз и аккуратно накрыл ладонь Цзян Чжо своей, хотя и не стал сжимать ее в грубой хватке. И все же его пальцы с отчетливыми суставами, такие длинные и изящные, легкие, как сама тень, накрывшие ладонь Цзян Чжо, создавали ощущение, будто он полностью владел им.

Цзян Чжо подался вперед:

— Это еще что?

Ло Сюй ответил:

— Бурные Волны.

Бурные Волны — древнее заклинание племени Куу, способное, согласно легендам, призывать мириады волн. Цзян Чжо никогда его не изучал и, естественно, не применял, но стоило Ло Сюю договорить, как легкое покалывание на ладони обратилось мощным, бодрящим холоком. Эта прохлада стремительно взметнулась вверх по его руке, и в тот же миг у него возникло полное ощущение, будто он всегда умел это делать.

Тот человек почуял неладное и шагнул вперед:

— Уважаемые...

В Цзян Чжо разыгралась озорная искра:

— Бурные Волны!

Из-под ног с грохотом взметнулись восемь рядов волн, с бешеным ревом устремляясь на белого чиновника Цзи! Тот никак не ожидал встретить здесь столь неуловимого мастера. Сбитый с ног водяным валом выше человеческого роста, он в мгновение ока промок до нитки. Но на этом дело не закончилось: удар следовал за ударом, заставляя врасплох. Пока он пришел в себя, эта парочка уже смылась!

Применив Бурные Волны, Цзян Чжо не забыл бросить хозяйшке лавки монетку в возмещение ущерба. Швырнув деньги, он схватил Ло Сюя и подряд сотворил три заклинания Исполнение Приказа. Едва выбравшись из толпы, они как раз вовремя застали запуск праздничных фейерверков на Платформе Южного Императора, осветивших всю округу ярким светом. Воспользовавшись этим ориентиром, он перевел дыхание и во всю мочь заорал в ночное небо:

— Тянь! Нань! Син!

Конец этой фразы затянулся невероятно долго, и неведомо каким заклинанием он воспользовался, но этот возглас потряс небеса и землю, заглушая плывущие облака. Окружающие тотчас зажали уши, а вдалеке из засады стремительно выпрыгнула девушка. Прыгая по вывескам и флажкам винных лавок, она в считанные мгновения оказалась прямо перед ними.

Приземлившись, Тяньнаньсин обняла меч и опешила:

— Кто здесь?

Цзян Чжо ухмыльнулся:

— Мой лучший братец!

Тяньнаньсин склонила голову набок, с легким недоумением во взоре:

— Четвертый брат, у тебя так много хороших братцев.

Ло Сюй даже заинтересовался:

— О? И много это сколько?

Подозревая, что тот чиновник не оставит все так просто и наверняка бросится в погоню, Цзян Чжо не дал им договорить. Он толкнул Ло Сюя вперед и на ходу отмахнулся:

— Штук пять, шесть, седьмая и восьмая! Маленькая младшая сестрица, бежим скорее, не то придется драться!

Троица затерялась в толпе и бросилась бежать, к счастью, с Тяньнаньсин во главе заблудиться не грозило. К часу инь все трое наконец добрались до пристани. Поскольку они провели на ногах пол-ночи, у всех страшно урчало в животах, и они остановились перекусить паровыми булочками у входа в еще открытую чайную лавку. Не успели они доесть булочки, как в городе застучали в железные пластины, и раздался громкий глашатайский крик:

— Небосвод помрачнел — нынче быть дождю!

В городе сменяющееся время объявляли не только по часам, но и предсказывали погоду. Раз уж здесь заседал чиновник из Управления Тяньмин, ложных вестей обычно не пускали: раз человек с железной доской сказал, что будет дождь — значит, непременно ливанет.

Пара булочек упала в желудок Цзян Чжо, и опьянение почти рассеялось. Он задрал голову, оценивая небо:

— Когда выдвигаемся?

Тяньнаньсин отозвалась:

— Скоро, в час мао за нами приедет повозка.

Цзян Чжо кивнул:

— Отлично. Смотрю я на этот дождь — что-то не похож он на природный, больно смахивает на рукотворный наговор. Давайте ходу пораньше, пока не вылезли лишние проблемы.

Его беспокоил тот чиновник в белых одеждах. Проявленный им лед был далеко не простым — он умел подавлять узоры из огненных рыб на его теле. Мало того, оба раза в схватке противник даже не произносил заклинаний.

Произнесение заклинаний имело важнейшее значение, ведь проводники духов — лишь смертные из плоти и крови, и всякий раз, когда они являли божественное могущество, духовную энергию они «занимали» у самой природы и всех ее духов. Вот почему каждый проводник духов перед тем, как сотворить чары, помимо настройки дыхания и сил, должен был

четко и ясно донести свою цель до духов сущего.

Предания гласят, что в первобытную эпоху, после смерти праматери Цзюму, ее глаза обратились в два светила — Солнце и Луну. Эти два божества шептали на ухо смертным, и благодаря шепоту люди стали единственными «проводниками духов» среди всех живых существ. На протяжении тысячелетий проводники духов записывали и систематизировали эти шепоты, превратив их в Божественные Речи Наставления. Все заклинания и печати в подлунном мире были переведены именно из них.

К примеру, такие двусложные формулы, как Исполнение Приказа или Разрыв Шума, представляли собой упрощенные заклинания, выработанные совместными усилиями различных племен и сект. Полные же их изначальные варианты звучали как повелеваю земным чиновникам явиться по зову и вершить мгновенный суд и раскалываю небесные барьеры по призыву неистовой грозы.

Существовало лишь четыре случая, когда обходилось вовсе без произнесения заклинаний: во-первых, если заклинатель — не человек, а само божество во плоти; во-вторых, если секта заклинателя отличалась причудливостью и опиралась не на «глас», а на «письмо» и «живопись», как, например, Мастер Кисти; в-третьих, если использовалось вовсе не заклинание, а Заклинание Оружия, ибо само оружие обладало духовной силой и резонировало с духами; и в-четвертых, если мощь заклинателя потрясала небеса: он мог устрасить сонмы божеств вверху и подавить духов внизу, являясь проводником духов среди самих проводников.

Цзян Чжо размышлял добрую половину дня и решил, что белый чиновник еще не достиг столь пугающего уровня. Скорее всего, тот просто воспользовался каким-то секретным оружием или применял скрытый способ сотворения чар... Во всяком случае, пока он не отыскал фитиль для Путеводного фонаря, ввязываться в подобные неприятности ему совсем не хотелось.

Подождав немного и не дождавшись возражений, Тяньнаньсин обняла меч и перевела взгляд с одного на другого:

— Четвертый брат, этот братец тоже отправляется с нами в путь?

Цзян Чжо изумленно моргнул:

— А?

Повернув голову за спину Тяньнаньсин, он столкнулся взглядами с Ло Сюем. Тот, казалось, еще не до конца протрезвел, сжимал в руке надкушенную булочку и тоже молча смотрел на него. От этого взгляда у Цзян Чжо внезапно ушло сердце в пятки. Ой-ой-ой... молодой господин мысленно воздел очи к небу, думая: как это я умудрился затащить человека с собой!

Ло Сюй отложил булочку и обратился к Тяньнаньсин:

— Вчера твой четвертый брат обмолвился, что сегодня у него дела в области Ван. Я всего лишь скромный Мастер Кисти, если пойду следом — боюсь, стану лишь обузой. Как сядете в повозку,

я сразу вернусь на постоянный двор.

Тяньнаньсин покосилась на Цзян Чжо:

— Но Мастер Кисти — это очень сильно.

Цзян Чжо тут же запротестовал:

— Да я же не говорил, что слабо!

Тяньнаньсин возразила:

— Я знаю, ты просто наслушался бредовых рассказов Старшей Сяоцзе и думаешь, будто все Мастера Кисти...

Цзян Чжо поспешно сунул ей в руку последнюю булочку со словами:

— Ешь давай, ешь скорее! И не поминай Старшую Сяоцзе, у меня от нее голова трещит... И впрямь, напился — получай по заслугам.

Ло Сюй опустил ресницы и тихо произнес:

— Я был безумно рад разделить чарку со вчерашним братцем, но людям свойственно расставаться, и этот закон мне знаком лучше всех.

С этими словами он достал из пазухи увесистый кошелек с монетами и тоже вложил его в руки Тяньнаньсин.

Цзян Чжо опешил:

— Постой-ка, с какой стати ты суешь деньги младшей сестрице?

Ло Сюй объяснил:

— Ты угощал меня вином, чаем и булочками, и твои собственные сбережения исчерпались до дна. Это лишь малая часть моих накоплений, возьми в дорогу, пригодится.

Тяньнаньсин остолбенела под тяжестью этого кошелька, а услышав фразу «исчерпались до дна», широко раскрыла миндалевидные глаза и недоверчиво уставилась на Цзян Чжо:

— Т-ты... ты умудрился спустить все три кошелька с деньгами?

Цзян Чжо смущенно забормотал:

— Я... я...

Он и впрямь умудрился всё растратить! С его скверным характером он никогда не жалел серебра, выходя из дома. На любой вопрос о том, куда делись средства, он лишь отмахивался, ссылаясь на вино, и никогда не хвастался тем, как тайком поддерживает слабых и обездоленных.

Ло Сюй добавил:

— Если в дороге не хватит, у меня припасено еще немного, возьмите всё.

Он вытащил из-за пазухи мешочек поменьше, звенящий мелочью — судя по всему, это были гроши, отложенные на самую скромную еду. О небеса! Стоило показаться этому крошечному мешочку, как не только Цзян Чжо, но даже у Тяньнаньсин запылали щеки от стыда:

— М-мы... наша Секта Пошо...

Как ни крути, а Секта Пошо оставалась тысячелетней великой обителью, и опуститься до того, чтобы брать чужие деньги на пропитание — какой позор! Узнай об этом Учитель, он бы их живьем согнал с горы в самый низ.

Как раз в этот момент заморосил дождь. Все трое сидели на облезлой длинной скамье у входа в чайную лавку, и когда закапали первые капли, никому не хватило духу подняться первыми.

Ло Сюй похлопал себя по коленям, поднялся и подхватил лямку деревянного ящика:

— А вот и повозка.

Несколько грузовых повозок неспешно катили в их сторону. Возница в соломенной шляпе издали махал им рукой, призывая готовиться в путь.

Тяньнаньсин тоже подхватила:

— Четвертый брат, карета прибыла.

От сырости тонкие веки Ло Сюя покраснели, придавая ему отрешенный вид, словно он из последних сил держал лицо. Капли дождя повисли на его ресницах и бровях, холодной змейкой стекая по переносице и щекам, но он даже не пытался их стереть — словно одно движение выдало бы его чувства и поставило бы Цзян Чжо в неловкое положение.

— Садись в повозку, — тихо промолвил Ло Сюй. — Только вот после сегодняшней разлуки неведомо, когда мы...

Цзян Чжо раскрыл складной веер, прикрываясь от дождя, и одновременно ухватил Ло Сюя за ремень деревянного ящика:

— Небо чистое, дух пречистый, чувствую нутром — день сегодня для расставаний

неподходящий. Братец, не хочешь со мной в область Ван?

Из-за прикрывавшего их веера они выглядели так, будто шептались о чем-то сокровенном. Ло Сюй скосил глаза на Цзян Чжо: тот доверчиво жался к нему всем телом, а его янтарные зрачки мерцали, точно рябь на медовом озере.

— Хорошо, — ответил Ло Сюй. — Я пойду за тобой.

Позволив Цзян Чжо тянуть себя за собой к повозке, он вдруг слегка подался вперед и нарочито непринужденно спросил:

— А это нарисовано?

Дожидаясь, пока Тяньнаньсин заберется первой, Цзян Чжо удивленно повернул голову:

— Что именно?

Ло Сюй поднял руку:

— Вот здесь.

Внешний уголок глаза Цзян Чжо слегка запылал — подушечка пальца Ло Сюя легонько коснулась красной отметины. словно еще не оправившись от хмеля, он и сам машинально провел пальцем по собственным трем алым чертам:

— А, это? Да сам нарисовал. Каждое утро просыпаюсь, беру кисть, макаю в краску...

Тяньнаньсин с Ло Сюем один за другим забрались в повозку, а Цзян Чжо все еще продолжал нести всякую чушь, подперев щеку рукой. Ло Сюй же, делая вид, что верит каждому слову, вел с ним непринужденную беседу, от которой у Тяньнаньсин глаза остекленели. Девочка обняла меч и, услышав рассуждения Цзян Чжо о том, каким именно раствором он вечером смывает краску с лица, наконец не выдержала. Порывшись в рукаве, она извлекла на свет бумажный талисман и молча продемонстрировала его обоим.

Пусть ее четвертый брат поменьше рассуждает о рисунках — стоит ему заговорить об этом, как у всех живот от смеха сводит.

Цзян Чжо: «.....»

Захлопнув рот, он завалился набок и притворился спящим.

Из-за Миры до области Ван путь занимал от силы дней пять-шесть, но они добирались целых двенадцать. Виной тому были Две южные области, сплошь усеянные Императорскими Путиями. Под этим термином подразумевались главные тракты, проложенные и укрепляемые

Управлением Тяньмин, которые вели напрямую к горе Ван — оплоту Тяньмин. По этой причине вдоль дороги то и дело попадались посты, а досмотровые бумаги требовались самые замысловатые. К счастью, соляные торговцы собаку съели на прохождении застав, и в итоге компания без особых происшествий благополучно добралась до места.

Поскольку болота располагались в глуши и круглый год утопали в густых миазмах и туманах, повозкам соляных торговцев туда ходу не было. Они высадили троицу на перекрестке, велев идти дальше по узкой тропинке до приболотного городка.

Пройдя немного пешком, они не встретили ни души — вокруг тянулись лишь угрюмые горные чащобы, окутанные ядовитым туманом. Дорога петляла, и лишь миновав седьмой или восьмой крутой поворот, они наконец увидели поселение.

У входа в городок возвышались две каменные стелы, причем письма на них были наглухо сбиты. Цзян Чжо подошел ближе и взгляделся:

— На одной выбито Служение Огню, на другой Племя Огnekормов. Стало быть, перед нами врата в обитель Племени Огnekормов.

Ло Сюй указал пальцем:

— Сзади есть рисунки.

Остальные двое тут же подошли и помогли ему раздвинуть густые заросли дикого винограда, скрывавшие тыльную сторону стелы. На суд путников предстали два каменных барельефа.

Тяньнаньсин нахмурилась:

— Странные.

Цзян Чжо согласился:

— И странные, и весьма жуткие.

Как оказалось, барельефы изображали болотного божества Сюйле, которому поклонялись Огnekормы. По преданию, Сюйле являлся в образе синего оленя — существа кроткого и благосклонного к людям. Однако на этих камнях, сохраняя оленьё тело, божество обрело синее лицо, клыки и яростно выпученные глаза, словно глядя на троицу со звериной, всепоглощающей ненавистью!

Ло Сюй удивился:

— Отчего же оно так рассердилось?

Цзян Чжо развернулся и окинул взглядом поселок:

— Чтобы узнать, придется зайти внутрь.

Стоял полуденный час, когда солнце должно палить сильнее всего, а энергия ян — бить ключом. Но здесь переплетенные кроны древних деревьев смыкались плотным шатром, закрывая большую часть солнечного света. Старые лачуги и полуразрушенные здания то выглядывали из полумрака, то скрывались в нем, сужая улочки до узких щелей и навевая зловещую, могильную холодность.

Тяньнаньсин шла впереди, не встретив по пути ни единой живой души. Не отличаясь робким десятком, она отдернула занавеску одной из лавок и громко спросила:

— Хозяин дома?

Внутри царил непроглядный мрак, сквозь который едва угадывались очертания столов и скамей, будто заведение закрылось. Однако входная дверь распахнута настежь, а вывеска и флаги висели на месте, совсем не создавая впечатления брошенного жилья.

Цзян Чжо изрек:

— Всё страньше и страньше. Зайдем, поглядим.

Трое друг за другом перешагнули порог и обошли лавку — ни в зале, ни в подсобках не было ни звука.

Тяньнаньсин пожала плечами:

— Ну точно чертовщина какая-то, ни единого человека.

Цзян Чжо, заложив руки за спину и помахивая складным веером, остановился у подножия лестницы:

— И впрямь нечисто. Глядите-ка, жертвенный стол в этой лавке стоит не перед ликом Сюйле, а загроживает проход здесь.

Угрюмый черный жертвенный стол наглухо перекрывал ступени лестницы, и на нем дымились три благовонные палочки. Ло Сюй присмотрелся к ним:

— Их не жгли. Напротив, похоже, что их кто-то обгрыз.

Цзян Чжо взгляделся ближе: палочки были разной длины, без малейших следов горения, словно их нарочно выставили кому-то на съедение. Какая дикость! У Огнекормов существовало множество строгих правил, особенно в том, что касалось почитания Сюйле и Истинного Пламени Палящего Солнца — в таких делах они не смели оплошать. С чего бы им позволять кому-то грызть жертвенные благовония?

Тяньнаньсин заявила:

— Я поднимусь наверх, проверю.

С этими словами она перепрыгнула через жертвенный стол и зашагала по ступеням. Цзян Чжо, не обнаружив в главном зале никаких зацепок, вместе с Ло Сюем направился на кухню.

Кухня примыкала к внутреннему двору в самой глубине дома. Посередине находилось окошко для выдачи блюд, а по обе стороны темнели плотно запертые деревянные ставни, которые никак не удавалось распахнуть.

Едва они переступили порог кухни, в нос ударил тяжелый смрад. Окинув помещение взглядом, Цзян Чжо заметил на разделочных столах и на полу горы заготовленной снеди — вся она сгнила дотла. Слегка приподняв веер, он прикрыл нос, спасаясь от удушливой вони:

— Запасли столько провизии, должно быть, собирались закатить пирушку, да что-то сорвалось, и еда не пригодилась.

Ло Сюй опустил взгляд: под ногами было липко. Подойдя к двери, ведущей из кухни во двор, он заметил на створках еще два изображения Сюйле и даже нашел в себе силы пошутить:

— Выражение лиц у этих двоих получше, по крайней мере, не такие злые.

Цзян Чжо подошел поближе. И правда, эти лики не выглядели такими разъяренными, как на каменной стеле, но их четыре глаза были вытарашены так безумно, будто божество до смерти перепугалось.

— Почему они все пялятся в одну сторону? — Цзян Чжо обернулся и проследил за взглядом нарисованного Сюйле. — Это же буфет...

Створки шкафа были приоткрыты, и несколько мертвенно-бледных, синюшных лиц глазели на них оттуда!

Ло Сюй отступил на шаг и посмотрел на Цзян Чжо:

— Призрак. Мне страшно.

Цзян Чжо успокоил его:

— Не бойся... это мертвецы!

Махнув рукой наотмашь, он распахнул дверцу шкафа со скрипом: — Отворись! Оттуда градом вывалились сваленные в кучу тела. Сколько же их здесь прятали? Трупы переплелись так плотно, что плоть сгнила напроць, а лица прижались друг к другу — поистине жуткое зрелище!

Цзян Чжо еще не успел сообразить, было ли это ленью убийцы или проявлением какого-то черного колдовства, как вдруг раздался глухой стук: тук-тук-тук. Прислушавшись, он понял, что стучат не в дверь — звук шел от тех самых деревянных ставней, мимо которых они только что прошли.

— Тук-тук-тук!

Забарабанили оба ряда деревянных ставней.

— Тук-тук-тук!

Стук становился всё быстрее и яростнее, сливаясь в сплошной барабанный бой ливня. У Цзян Чжо заколотилось сердце от нехорошего предчувствия — вот-вот должно случиться что-то ужасное. Решив опередить события, он резко распахнул веер и приказал:

— Отвориться!

Деревянные ставни с грохотом распахнулись в обе стороны. В лицо ударил зловонный порыв ветра, из окон хлынул целый хор голосов: крики призраков, вопли, мольбы о помощи сотнями сливались в единый гам. Но стоило заглянуть внутрь — за окнами не оказалось ни души!

<http://bllate.org/book/19195/1885293>